

Все социалисты!

С тех пор, как идеи социализма стали проникать в рабочие массы, замечается следующее интересное явление. Враги социализма поняли, что лучший способ подавить это течение состоит в том, чтоб прослыть его сторонниками и спешат объявить себя социалистами. Поговорите с одним из тех толстых буржуа, которые немилосердно эксплуатируют рабочего, работницу и ребенка. Поговорите с ним о возмутительном неравенстве распределения богатств, о кризисах и нищете, которую они порождают; поговорите с ним о необходимости изменения режима собственности для улучшения положения рабочих; и если ваш буржуа умен, если он добивается успеха в политике, а главное, если вы его избиратель, он поспешит вам сказать:

— Помилуйте, я тоже социалист! — Социальный вопрос, сберегательные кассы, нормировка труда; — я вполне разделяю ваши мысли относительно всего этого. Только, знаете что? Нельзя все перевернуть в один день, будем действовать осторожно! — И, покинув вас, он идет „осторожно“ обирать „своих рабочих“, предвидя те убытки, которые социалистическая агитация причинит ему в скором будущем.

Прежде, он повернул бы вам спину. Теперь, он стремится вас заставить поверить, что вполне разделяет ваши мысли; таким путем он надеется легче справиться с вами, когда представится возможность.

Это явление стало особенно заметным после выборов 1881 года, во Франции. Достаточно было в любом избирательном собрании поднять вопрос о социализме, чтобы те, которые добивались избрания, сейчас же объявили себя приверженцами социализма, — настоящего социализма, — конечно, социализма плутов и обманщиков.

Две трети делегатов дали понять избирателям, что они в Палате думают заняться социальным вопросом. Клемансо объявил себя социалистом; Гамбетта был близок к этому; если бы он не предвидел высшего счастья пожать когда-нибудь руку какому нибудь Величеству, он, наверное, откровенно объявил бы себя социалистом. Бисмарк и не колебался: он выдавал себя за ярого социалиста, социалиста *par excellence*; в Англии нередко приходилось слышать, что, если бы лорд Биконсфильд прожил бы дольше, он „разрешил бы социальный вопрос“. Все, вплоть до носителей клобука и рясы, заняты этим. Проповедники при Берлинском Дворе превозносят социализм, а во Франции монахи издают журнал, в котором объявляют себя знатоками настоящего социализма.

Словом, все социалисты! Биржевик, который спекулирует на повышении и понижении цен на хлеб, чтоб купить бриллианты своей жене; хозяин, который доводит работниц до чахотки и детей до полного истощения; правители, которые арестовывают в Берлине и вешают в Петербурге; жандармы которые обыскивают — все, если они и роются в наших бумагах, арестовывают и вешают социалистов, истребляют работниц и детей, хозяйничают в

политике и финансах, они это делают, чтоб ускорить приближение торжества социализма!

А между тем, находятся социалисты, которые так наивны, что слагают гимны победы при виде этого зрелища, — „Господин, такой то объявил себя социалистом; Гамбетта признал существование социального вопроса! Вот вам новое доказательство, что наша идея завоевывает себе место“, — спешат они объявить в своих газетах. — Как будто нам нужна чья бы то ни была санкция, доказывающая, что идеи социализма находят широкое распространение в среде народа!

Нас же это зрелище ничуть не радует. Оно, с одной стороны, убеждает нас в том, что буржуазия составляет заговор против социализма и стремится применить к нему ту политику надувательства, которую оно когда то применило к республиканской идее, с другой стороны, оно показывает нам, что те, которых мы считали когда то социалистами, отреклись теперь от основных идей социализма и перешли в лагерь буржуазии, сохранив, чтоб замаскировать свой переход, кличку социалистов.

Какова же была, в самом деле, идея, на которой основан социализм?

— Необходимость уничтожения заработной платы, частной собственности на землю, дома, средства и орудия производства, словом, на общественный капитал. Тот, кто не признавал этой основной идеи, не проводил ее в своей частной жизни, отрекаясь от какой бы то ни было эксплуатации, — не мог считаться социалистом.

— „Признаете ли вы необходимость уничтожения частной собственности? — Признаете ли вы необходимость экспроприации общественного капитала в пользу всех? — Обязуетесь ли вы жить согласно этим принципам?“

Вот что спрашивали когда то, прежде чем протянуть вам руку, как социалисту.

Очевидно, что задавая вам эти вопросы, вас не спрашивали, признаете ли вы необходимость уничтожения частной собственности через двести или две тысячи лет! Кто станет себе задавать праздные вопросы о том, что нужно будет делать через двести лет! Когда говорили об уничтожении частной собственности, признавали необходимость его немедленного осуществления, и решено было сделать первые попытки в момент наступления будущей революции. — „Будущая революция“ — говорили социалисты десять лет тому назад (а те, которые остались социалистами, повторяют это и сейчас), — „будущая революция не должна быть простой переменой правительства, сопровождаемой некоторыми улучшениями в государственной машине: это будет Социальная Революция“.

Сознание необходимости подготовиться к экспроприации ко дню наступления будущей революции составляла основную идею социалистов; вот чем они отличались от тех, которые признавали необходимость некоторого улучшения быта рабочих и готовы были согласиться, что коммунизм идеал будущего общества, но не могли допустить мысли о его немедленном осуществлении.

Исповедуя эти идеи, социалисты были уверены, что их не спутают с их противниками. Они были уверены, что именем социалиста не воспользуются те, которые просто на просто

стремятся поддержать современную эксплуатацию.

Теперь все это изменилось.

В среде самой буржуазии образовалось гнездо авантюристов, которые поняли, что, не прицепив к себе ярлыка социалиста, невозможно достичь власти. Надо было найти способ заставить себя признать партией, не принимая её принципов. В том же смысле действовали те, которые поняли, что подавить социализм можно только войдя в ряды его приверженцев, извратив его принципы и направив на ложный путь его тактику.

К сожалению, нашлись социалисты, социалисты прошлого, которые захотели сгруппировать вокруг себя как можно больше народа; они охотно принимали в свои ряды всех, согласившихся прицепить к себе ярлык социалиста, и широко открыли двери всем, якобы обращенным. Они сами отказались от основной идеи социализма и под своим покровительством образовали новый вид социалистов, который от старой партии сохранил только имя.

Подобно тому русскому жандармскому полковнику, который говорил одному из наших друзей, что он преклоняется перед коммунистическим идеалом, но что, так как этот идеал может быть осуществлен только через 200 или даже 500 лет, надо преследовать и лишать свободы всех, занимающихся пропагандой коммунизма; повторяю, подобно тому жандармскому полковнику, новые социалисты объявляют, что надо отложить на далекое будущее уничтожение частной собственности и экспроприацию, забыть все эти фантазии и утопии, приступить к осуществимым реформам и не считаться с теми, которые твердо стоят за идею экспроприации и препятствуют этим немедленному проведению реформ. — „Подготовим, говорят они, почву не для экспроприации земли, а для захвата государственной машины, и тогда примемся за улучшение положения рабочих. Подготовим для будущей революции не завоевание мастерских, а завоевание муниципалитетов.

Как будто буржуазия, если бы капитал остался в её руках, позволила бы им делать социалистические опыты, даже если им бы удалось захватить власть! Как будто бы завоевание муниципалитетов возможно без завоевания мастерских!

Последствия всего этого заставляют себя уже чувствовать.

Теперь, когда перед вами один из этих новых социалистов, вы не знаете с кем вы имеете дело: с какимнибудь господином, вроде русского жандармского полковника, или с настоящим социалистом. Они все признают, что когданибудь, — через тысячу лет, может быть, — собственность должна стать коллективной; но теперь они занимаются избранием какогонибудь члена Палаты, который потребует у неё уменьшения числа рабочих часов. Разница между социализмом жандармского полковника и социализмом нео-социалистов почти неуловима: Все социалисты! Рабочий, который не имеет возможности следить за тридцатью газетами, скоро не будет знать, где социалисты и где извратители социалистической идеи. В день Революции, рабочим придется перенести много испытаний, пролить много крови, прежде, чем они поймут, кто их друзья и кто их враги.

